

УДК 327
ББК66.4(0)

DOI 10.22394/1682-2358-2021-6-38-51

Hagbbin Mohsen, post-graduate student of the Political Science and International Relations Department, Astrakhan State University

MODERN EASTERN STRATEGY OF IRAN'S INTEGRATION PROCESSES: PROBLEMS AND PROSPECTS

Foreign policies of the Russian Federation and the Islamic Republic of Iran are analyzed. Russia's foreign policy, based on the Eurasianism concept and aimed at the building-up a multipolar world with different centers of power is considered. Foreign policy positions and regional perspectives of the Islamic Republic of Iran are studied.

Key words and word-combinations: regional integration, Asia, Caspian region, Iran, "Look to the East", Russia, Eurasianism, anti-Atlanticism, China, multipolar world, American hegemony.

Хагбин Мохсен, аспирант кафедры политологии и международных отношений Астраханского государственного университета (email: hagbbin@asu.edu.ru)

СОВРЕМЕННАЯ ВОСТОЧНАЯ СТРАТЕГИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ИРАНА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Анализируется внешняя политика Российской Федерации и Исламской Республики Иран. Рассматривается внешняя политика России, исходящая из евразийской концепции и направленная на формирование многополярного мира с различными центрами силы. Изучаются внешнеполитические позиции и региональные перспективы Исламской Республики Иран.

Ключевые слова и словосочетания: региональная интеграция, Азия, Каспийский регион, Иран, «Взгляд на Восток», Россия, евразийство, антиатлантизм, Китай, многополярный мир, американская гегемония.

Приоритеты внешней политики каждого государства устанавливаются в рамках долгосрочной стратегии. Такие приоритеты обычно определяются в соответствии с условиями и тенденциями развития страны, а также с учетом возможности достижения целей и на основе предполагаемых фактов. Серьезные изменения на международной арене делают неизбежным пересмотр и, возможно, переосмысление любым ак-

тором своих внешнеполитических подходов и приоритетов. Подобные процессы наблюдаются в каждой динамично развивающейся стране. Исламская Республика Иран не является в этом плане исключением.

Особое внимание Ирана к Востоку и укрепление отношений с такими странами, как Китай и Россия в рамках стратегического объединения в последние годы, вызвало реакцию со стороны как внутривосточных кругов Ирана, так и международных экспертов. Несомненно, множество региональных и международных факторов явилось причиной направленности ориентации Ирана на Восток.

Для глубокого понимания внешней политики Ирана следует обратить внимание главным образом на официальное мнение Верховного лидера Иранской революции, потому что он, без сомнения, играет фундаментальную и ключевую роль в определении общей политики управления иранским государственным аппаратом. Лидер Исламской революции Ирана аятолла Хаменеи в своем выступлении от 18 февраля 2018 г. заявил: «Одним из приоритетов сегодняшнего дня во внешней политике является предпочтение Востока Западу, соседей дальним странам, народов и стран, имеющих с нами нечто общее, другим» [1]. Эти слова можно рассматривать в качестве ключевого тезиса в стратегии иранского дипломатического аппарата. Но такой подход не означает отрицания Запада и безразличия по отношению к нему, потому что в иранском документе под названием «Санаде чешмандазе джомхурие эсламие» Иран дар офоке 1404 г. по иранскому календарю (2025 г.) [2] (далее — «Документ о перспективах 1404 г.»), на котором акцентирует внимание лидер Исламской революции, «конструктивное взаимодействие с миром» упомянуто в качестве основы внешней политики Ирана.

Лидер Исламской революции аятолла Сейед Али Хаменеи 31 июля 2020 г. выступил с телеобращением к иранскому народу по случаю праздника жертвоприношения Ид аль-Адха: «Мы можем и производить внутри и сделать так, чтобы многочисленные всевозможные научные, экономические и прочие возможности бурлили изнутри, а также можем работать на международной арене, в мире. У нас есть хорошие друзья, мы можем работать с этими друзьями. <...> У нас в мире есть эффективные друзья... мы максимально воспользуемся, дай Бог, возможностями наших друзей» [3].

Безусловно, применение слова «друзья» в разгар визита министра иностранных дел Ирана в Китай для проведения переговоров по заключению 25-летнего стратегического соглашения с этой страной, его визит в Россию и переговоры о продлении 20-летнего соглашения с Россией, равно как и передача секретного послания Президента Исламской Республики Иран Президенту России В.В. Путину подтверж-

дают, что иранское руководство положительно оценивает упомянутые отношения, и во внешней политике страны наметилась четкая тенденция на Восток. К тому же в феврале 2021 г., после прихода Дж. Байдена к власти в США, спикер парламента Исламской Республики Иран Калибаф прибыл в Москву, чтобы передать послание Верховного лидера Исламской революции Ирана Президенту России. Складывается впечатление, что в данном послании лидер Исламской Республики Иран желал подчеркнуть прочность и неразрывность стратегических отношений между Ираном и Россией [4]. Как стало известно, ответный шаг не заставил себя долго ждать: А.С. Джагарян, посол Российской Федерации в Иране, передал послание Президента В.В. Путина для аятоллы А. Хаменеи на встрече с его советником и отметил, что обе страны стремятся к наращиванию сотрудничества в различных сферах [5]. Отметим, что расширение диалога между государствами выражается не только в укреплении торгово-экономических и политических связей, но имеет реальное выражение и в военной сфере: в феврале начались совместные военно-морские учения России и Ирана «Объединенный пояс безопасности 2021». Примечательно, что подобные учения впервые были проведены в 2019 г. [6], а в 2021 г. уже были включены в календарь мероприятий стран-участниц. Более того, Китай принимал участие в указанных учениях ранее. В 2021 г. Индия также анонсировала свое участие [7].

Важность политики ориентации на Восток после Исламской революции была обусловлена несколькими факторами, среди которых отмечают нежелание Ирана принять существующий международный порядок. Страна бросила вызов однополярному миру, взяв на вооружение принципы и ценности Исламской революции. Фактически после распада Советского Союза и еще большего укрепления позиций Соединенных Штатов Америки Иран был вынужден перейти к установлению взаимоотношений и взаимодействию со странами, которые, хотя и до распада Советского Союза находились в стороне Востока, после него остались недовольны международным порядком, основанным на гегемонизме США. Этот вопрос, в свою очередь, служил причиной формирования ориентации Ирана на Восток [8, с. 117].

Наряду с международными факторами региональная экономическая и политическая ситуация также стимулировала внимание Ирана к Востоку. Самобытная изоляция Исламской Республики на Ближнем Востоке [9, с. 56] и высокая активность великих держав в регионе Центральной Азии [10, с. 12] уничтожили предпосылки для установления всестороннего сотрудничества Ирана со странами Азиатского региона. На этой же основе азиатская интеграция могла быть прикрытием для восстановления идентичности и устранения нежелательной изоляции

Ирана в альянсе с более сильными партнерами региона [8, с. 117]. Перечисленные факторы, учитывая характер политической системы в Иране, показали, что политика ориентации на Восток имела логическое и неявное оправдание.

Естественно, что внутри Ирана среди политиков, общественности и исследователей в области международных отношений существуют разные взгляды и мнения о политике ориентации на Восток.

Сторонники политики, направленной на Восток, полагают, что ориентация Ирана на Восток и его союз с сильными азиатскими странами может послужить его национальным интересам и решить проблему отсутствия стратегического союзника [11]. Иранский исследователь Сакафи Амери считает, что ориентация на Восток — стратегическое мышление, которое выходит за рамки расширения экономических связей и делает упор на политические и дипломатические отношения для усиления сотрудничества в области безопасности и обороны с целью сбалансировать положение Ирана в мире [12, с. 189; 13]. На самом деле среди личностей, которые определяют внешнюю политику Ирана, всегда существовала такая идея, что для сбалансирования отношений с Западом необходимо приложить больше усилий для сотрудничества с Востоком. Иными словами, сотрудничество с Востоком как противовес Западу всегда присутствовало в стратегическом мышлении иранской политической элиты. В целом сторонники политики, ориентированной на Восток, полагают, что Исламской Республике Иран легче наладить сотрудничество и создавать коалиции с Китаем, Россией, Индией, Малайзией и другими азиатскими странами, нежели с западными игроками в силу своей принадлежности к восточной цивилизации и присущих ей общих культурных, исторических и самобытных особенностей [14, с. 105–110].

Тяготение Ирана к Востоку, особенно в отношении Китая и России, вызвало у других иранцев беспокойство за результаты переговоров Исламской Республики с прикаспийскими государствами по поводу доли сторон в Каспийском море. Эта озабоченность настолько была велика, что бывший Президент Ирана Махмуд Ахмадинежад на встрече со своими сторонниками возразил: «Хотят подписать новый 25-летний контракт с одной иностранной страной, и никто об этом не знает», хотя следует признать, что именно во времена Ахмадинежада ориентация внешнеполитического аппарата на Восток стала стратегическим подходом. Исламская Республика пошла на большие уступки восточным державам ради противостояния Западу из-за своих ядерных, ракетных и региональных программ и теперь может заплатить за это большую цену России и Китаю по мере усиления давления Соединенных Штатов Америки [15].

Возможно, главная проблема выбранного внешнеполитического кур-

са заключается в отсутствии консенсуса среди официальных лиц относительно принципов, допущений и характера этого подхода. В любом случае, области, на которые нацелена указанная стратегия государства, включают Восточную Азию (с такими ключевыми игроками, как Китай, Япония и Южная Корея), Южную Азию (с такими ключевыми игроками, как Индия и Пакистан), Юго-Восточную Азию (с такими ключевыми игроками, как Малайзия) и Россию. Страны этих регионов вместе образовали комплексную восточную цивилизацию, а в настоящее время возрождаются и консолидируются, по мнению некоторых аналитиков. Япония и Южная Корея из-за их преданности США и полного растворения в западной культуре и либеральном капитализме не особенно вписываются в восточную цивилизацию и в значительной степени выходят за рамки рассматриваемых процессов. Таким образом, политика ориентации на Восток может быть основана на четырех столпах: России, Китае, Индии и Малайзии. Малайзия может стать ярким примером для развития Ирана. Она известна как независимая и развитая мусульманская страна, добившаяся больших успехов в области экономического развития за счет внедрения эффективных моделей развития. Под ориентацией на Восток следует, по нашему мнению, подразумевать взгляд географический с акцентом на участников Шанхайской организации сотрудничества, хотя ее участники, такие как Россия, могут не обязательно находиться на Востоке, но несут своего рода восточную и азиатскую идентичность. Россия, Китай и Индия являются крупными игроками на региональной и международной аренах, в последние годы они развивались быстрыми темпами и набрали силу. Эти страны обладают высоким потенциалом для содействия в обеспечении интересов и национальной безопасности Исламской Республики Иран [14, с. 104]. Среди этих четырех стратегических столпов Востока Россия и Китай занимают особое место во внешней политике Ирана.

Стратегия «Взгляд на Восток» не новая тема и по-разному проявляла себя в различные периоды. При правительстве Хашеми Рафсанджани, когда возникли проблемы и ограничения в отношениях с Западом, а также появилась необходимость восстановления экономики страны и устранения ущерба, нанесенного войной с Ираком, Иран рассматривал возможность сотрудничества с Индией, Россией, Китаем в рамках альянса так называемого «стратегического союза». Стратегический подход в тот период, по-видимому, был основан на предположении, что Ирану нужны союзники в послереволюционный период, чтобы иметь возможность противостоять враждебной политике США. В этом же направлении Хашеми Рафсанджани во время своего визита в Индию в 1996 г. уделял большое внимание укреплению отношений Ирана с сильными азиатскими странами [14, с. 110].

Однако Ирану не удалось найти себе стратегического союзника. Кажется, что одной из основных причин, по которым Россия, Китай и Индия не приветствовали план стратегического союза с Ираном, казалось, было то, что главной целью этого плана было создание блока против США, в то время как эти страны проводили политику воздержания от конфронтации, направленную на расширение отношений с Вашингтоном [13, с. 75–76].

Правительство Сейеда Мохаммада Хатами (1997–2005) также было заинтересовано работать в тесном сотрудничестве с Западом, но не упускало из виду Восток и Азию. В его период Иран, с одной стороны, подчеркивал свою этническую, языковую и религиозную общность со странами Центральной Азии и Кавказа, а с другой — расширял отношения с Россией. Китай как один из наиболее крупных игроков Востока тоже интересовал правительство Хатами. Визит Президента ИРИ в Китай в июне 2000 г. стал поворотным моментом в ирано-китайских отношениях. Сотрудничество в сферах экономики, энергетики и обороны явилось одной из важнейших повесток обсуждения для разговора между двумя лидерами.

Со дня вступления Ахмадинежада в должность взгляд внешнеполитического аппарата на Восток, видимо, стал более серьезным и стратегическим, возросли решимость и желание официальных лиц объединиться и сформировать союзы с восточными игроками. Действительно, заметные успехи Востока в экономическом развитии в последние десятилетия и в то же время недовольство Ирана в отношении стран Запада, особенно на фоне кризиса ядерной программы, подогревали эти настроения. Признаки политики взаимодействия с Востоком можно было заметить в выступлениях и действиях официальных лиц правительства девятого созыва Исламской Республики. Например, Ахмадинежад подчеркнул на 15-й сессии Совета министров Организации экономического сотрудничества: «Исламская Республика Иран, отдавая приоритет региональной повестке дня в международных отношениях и веря в необходимость сбалансировать свои внешние связи, что потребует усиления ориентации на Восток, готова искренне сотрудничать с другими странами региона в областях широкого и полезного экономического сотрудничества, установления мира и безопасности в регионе» [13, с. 80]. В рамках стратегии «Взгляд на Восток» правительство Ахмадинежада уделяло особое внимание углублению отношений с тремя влиятельными игроками в регионе, а именно Китаем, Россией и Индией, а также было заинтересовано в использовании их возможностей для обеспечения национальных интересов и безопасности страны. Одним из эффективных инструментов в этой области служит Шанхайская организация сотрудничества.

Среди предпосылок формирования стратегии «Взгляд на Восток» во

внешней политике Ирана можно выделить следующие: требования к реализации Документа о перспективах 1404 г., о перспективах развития страны; ненадежность в отношениях с Западом, особенно в разрешении ядерного дела; увеличение мощи Востока за счет значительных экономических преобразований и развития передовых технологий [14, с. 106–108]. Фактически то, что в Иране рассматривается как стратегия «Взгляд на Восток», имеет общее с политикой России в националистической славянской, евразийской и антиатлантической сферах. Эти течения в России также приветствуют независимость действий правительств, таких как Иран, опасующихся однополярной международной системы, основанной на гегемонии США и их односторонне направленной политики в международных вопросах [12, с. 189].

В иранской стратегии «Взгляд на Восток» следует обратить внимание на этот регион в трех аспектах: политическом, обеспечении безопасности и экономическом. В политическом аспекте вес этого региона увеличивается с каждым днем, и Ирану следует более серьезно взаимодействовать с правительствами стран этого региона. В области безопасности региону угрожает международное вмешательство в борьбу местных государств с терроризмом. Иран имеет значительный опыт в указанной сфере и может эффективно работать в таких учреждениях, как ШОС. Во внешней политике Ирану следует также уделять приоритетное внимание Ближнему Востоку, больше взаимодействовать с правительствами России, Китая, Индии, Турции и других восточных стран, а также стать участником крупных региональных организаций для решения региональных проблем. Вступление в Шанхайскую организацию сотрудничества может стать важным шагом для достижения этих целей [16, с. 184–197].

В экономическом аспекте Организация экономического сотрудничества (ОЭС) — это важный шаг к активизации совместной деятельности с соседними странами. Со времени создания данной организации транспорт и коммуникации были приоритетными ее направлениями, и их важность возрастала с каждым днем. ОЭС ставила на повестку дня реализацию проектов и программ для физического соединения стран-участников друг с другом и выхода на рынки за пределами региона через существующую транспортную инфраструктуру. Одной из особенностей организации является то, что она соединяет четыре региона: Южную Азию, Персидский залив, Центральную Азию и Кавказ. Сотрудничество ОЭС и Евразийского экономического союза, а также Шанхайской организации сотрудничества можно рассматривать как важную возможность для регионализации на Востоке [17, с. 27].

Географическое расположение Ирана наряду с той ролью, которую он взял на себя в регионе, является ключевым фактором в вопросах

определения его стратегии «Взгляд на Восток». Исламская Республика представляется неотъемлемым связующим звеном в любом региональном и интеграционном плане и процессе, если учитывать ее эффективный опыт сотрудничества с Россией в области борьбы с терроризмом, содействия в установлении стабильности в соседних странах, ее национальные и региональные возможности, а также принять во внимание важную роль Ирана в ОЭС и геополитическое положение страны, влияющее на функционирование транспортного коридора «Север — Юг». Страна является точкой пересечения культурных, интеллектуальных, институциональных тенденций в трех стратегических регионах Ближнего Востока, Евразии и Восточной Азии. Эти важные коммуникационные особенности, наряду с экономическими, энергетическими возможностями, усилиями в установлении безопасности, могут сыграть важную роль для него как ответственного и позитивного игрока в формировании будущей региональной и международной системы.

Опыт, полученный в рамках ирано-российского сотрудничества по вопросам установления безопасности в Сирии, может открыть окно возможностей для создания стабильности в Афганистане и странах Центральной Азии. В связи с тем, что войска США уже выведены из Афганистана, а деятельность ИГИЛ в этой стране может стать причиной сотрудничества между Россией и Ираном в сфере безопасности, особенно если оно будет поддержано участниками ШОС, это станет значимым фактором предотвращения кризисов и управления ими в указанной сфере. Нестабильный Афганистан и слабые правительства в Центральной Азии в будущем могут стать наиболее уязвимыми территориями как для региональной азиатской подсистемы, так и для общей системы международных отношений [17, с. 30].

В последние годы Иран активно борется за признание его права на ведение исследований в области мирного атома, установление стабильной и безопасной, свободной от террористической активности зоны на Ближнем Востоке. В связи со схожей активной и конструктивной позицией России по этим и другим вопросам, остро стоящим на международной повестке дня, представляется целесообразным более детально рассмотреть, какой характер носят отношения этих двух стран. В целях большего понимания стоит обратить внимание на предысторию формирования внешнеполитического курса в России.

После распада Советского Союза во внешней политике Российской Федерации возникли три основных дискурса. *Евроатлантический дискурс* стал доминирующим сразу после распада и продолжался до середины 1990-х годов. *Евразийский дискурс* возник в ответ на неудачи предыдущего дискурса и смог сохранить доверие к себе до избрания

В.В. Путина Президентом РФ. После его прихода к власти *националистический дискурс*, выраженный в *идее «нормальной великой державы»* [18, с. 97], вошел в западные научные исследования о внешней политике современной России. Сам термин, как представляется, заимствован у первого министра иностранных дел РФ А.В. Козырева [19] и понимается как комплекс мероприятий и усилий, направленных на отказ от «советского изоляционизма» в пользу интеграции России в международное сообщество «демократических государств» в качестве полноценной, формирующей повестку дня участницы мировых процессов [20; 21, с. 15].

В.В. Путин всегда подчеркивал, что Россия в прошлом была и в будущем продолжит быть великой державой благодаря ее особым характеристикам [22]. Следуя этому, он стал выстраивать внешнюю политику страны, направленную на взаимодействие с Западом и достижение новых глобальных договоренностей с учетом интересов России, подчеркивая стратегию «нормальной современной великой державы» [20]. Тем временем концепция евразийства, выражавшая стремление поддерживать стабильные отношения как с Востоком, так и с Западом и находить баланс между ними, снова ушла на второй план. Как считает Дж. Караме, ярко выраженная направленность России того времени к Западу игнорировала значимую часть ее интересов и приоритетов. Для создания равновесия следовало также учитывать отношения с восточными странами — Китаем, Японией, Индией и государствами Ближнего Востока [23, с. 65]. В дальнейшем внешнеполитический курс заново был выстроен по принципу «срединного пути».

Появление евразийской концепции вызвало разные точки зрения и подходы как внутри страны, так и за ее пределами. Ряд российских экспертов полагают, что идея евразийства, так же как и чрезмерное тяготение к Востоку, может быть довольно критична для российской экономики и даже для национального суверенитета. К тому же высказывается мнение, что движение в данном направлении может составить серьезную угрозу для разложения русской православной цивилизации [24, с. 43], но в самом Кремле убеждены в том, что евразийский выбор — это рациональный путь для более эффективного внешнеполитического и экономического курса России. Подобный тезис неоднократно подтвердили различные программные документы развития государства. Например, в действующей Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ 30 ноября 2016 г., в разделе «Региональные приоритеты внешней политики Российской Федерации» четко просматривается намерение углублять и расширять интеграцию между государствами Евразии [25]. Такое распределение

приоритетов российский политолог С.А. Караганов объясняет желанием остановить экспансию западных союзов на жизненно важные для России территории и уравновесить рост мощи Китая в отношении к Западу [26].

Наиболее ярко концепция евразийства нашла свое выражение в статье В.В. Путина 2011 г., в то время занимавшего должность председателя кабинета министров, которую многие восприняли как предвыборную программу перед президентскими выборами 2012 г. В.В. Путин продвигает идею создания наднационального объединения — Евразийского союза — на основе существующих интеграционных объединений, «...способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом» [27].

Исследователи также обращают внимание на то, что Российская Федерация современными отечественными политиками воспринимается как ядро интеграции, при этом территория стран СНГ как зона Евразийского союза. К тому же в политическое пространство Евразии включают Китай, Индию, Пакистан, Иран, Турцию и другие государства, которые, в свою очередь, входят и в иные интеграционные объединения, влияющие на расклад сил в регионе. Таким образом, разнотемповая интеграция стран Евразии может привести к созданию альянса континентальных держав как глобальной скрепы для сохранения единого пространства и кооперации континентальных стран-цивилизаций [28, с. 179–180].

В российско-иранских отношениях всестороннее развитие сотрудничества нашло закрепление в Концепции внешней политики Российской Федерации: «Россия проводит линию на всестороннее развитие сотрудничества с Исламской Республикой Иран, а также добивается последовательной реализации всеобъемлющей договоренности по урегулированию ситуации вокруг иранской ядерной программы на основе резолюции Совета Безопасности ООН 2231 от 20 июля 2015 г., соответствующих решений Совета управляющих МАГАТЭ и оказывает этому процессу всестороннее содействие» [25].

Оба государства столкнулись с необходимостью сдерживать США и их союзников, препятствовать распространению влияния стран Запада в регионе. Таким образом, данные устремления явились одним из важных факторов, подталкивающих Тегеран и Москву к участию в одних и тех же региональных проектах государств «Большой Евразии». В целом их взаимодействие в рамках евразийской интеграции способствует реализации различных интересов каждого из государств и обеспечивает «макрополезность», создавая почву для относительного влияния Тегерана в регионе Ближнего Востока и Центральной Азии.

Однако иранский эксперт А. Нури пришел к выводу, что, несмот-

ря на указанные предпосылки расширения своего влияния, Ирану не удалось продвинуть свои интересы в регионе, особенно по сравнению с соперниками. Москва и Тегеран осознают, что цена индивидуальных действий, направленных на достижение обозначенных обоюдных целей высока и что посредством взаимодействия они могут эффективнее следовать своим интересам и устранять угрозы. В связи с этим В.В. Путин подчеркнул участие Ирана в проекте сотрудничества «Большая Евразия», а его поддержка членства Тегерана в ШОС наряду с договоренностями Москвы с Ираном и странами — членами ЕЭС демонстрируют подход, основанный на взаимодействии и взаимном учете интересов [29, с. 245–248]. В сентябре 2021 г. Иран в рамках присоединения к ШОС достиг больших успехов. ШОС единогласно приняла ИРИ в качестве полноправного члена. Это для Тегерана означает открытие дверей крупных и перспективных рынков в Азии и преодоление экономических санкций, введенных Западом, особенно США.

Резюмируя изложенное об особенностях построения внешнеполитического курса Исламской Республикой Иран, в частности, предпочтении Востока Западу, можно констатировать, что сегодня выбранная стратегия «Взгляд на Восток» приобрела четкие контуры и направлена на поиск стратегического партнера в целях экономического роста и промышленного развития среди государств восточной цивилизации, к которой Иран относится с позиции его идентичности, истории и культуры. Ориентация на Восток призвана уравнивать позиции Ирана по отношению к странам Запада в регионе. За последние два десятилетия Иран несколько раз разочаровался в готовности США и их сателлитов устанавливать добрые партнерские отношения. Последним ярким примером явилась «ядерная сделка», которая так и не была заключена в соответствии с договоренностями. Конечно, это не означает игнорирования Тегераном Запада. Напротив, Исламская Республика неоднократно декларировала принцип конструктивного взаимодействия с миром. Внешнеполитические усилия Ирана были положительно восприняты основными центрами силы на евразийском континенте — Китайской Народной Республикой, Индией и Российской Федерацией. Россия, в свою очередь, в настоящее время также проводит политику противостояния экспансии Запада и его союзов на территории Евразии, что способствует неизбежному сближению Москвы и Тегерана. Расширяя отношения с Китаем и эффективно содействуя развитию мирной ядерной программы Ирана, Россия в своей восточной стратегии имеет особый взгляд на Ближний Восток и исламский мир в целом. Это регион, в котором накопилось недовольство Соединенными Штатами Америки и пессимизм по отношению к Западу, что является историческим шансом для России использовать эти настроения и вернуть потерянные после распада СССР зоны влияния на

Ближнем Востоке. Известно, что предпринимаются действенные шаги по укреплению дружественных отношений с государствами Ближнего Востока, при этом Россия придерживается концепции многовекторной направленности и держит курс на установление диалога с различными легитимными противоборствующими силами вне зависимости от их собственных предпочтений во внешнеполитическом курсе. Такой подход уже дает свои плоды — например, признание миротворческой роли Российской Федерации, в частности на Ближнем Востоке.

Иранский «Взгляд на Восток» и российское евразийство, которые имеют много общего в концептуальном и функциональном плане, возникли по целому ряду причин и в настоящее время выступают в противовес концепциям гегемонии и глобального лидерства США, а также влиянию их стратегических союзников в евразийском регионе. Однако отметим, что евразийский подход России включает стремление сбалансировать растущее влияние Пекина в регионе.

Евразия, охватывающая к тому же многие центры добычи углеводородов, в частности Каспий, фокусирует на себе внимание многих великих держав как на Востоке, так и на Западе во главе с Соединенными Штатами Америки. Учитывая, что сегодня форсируется развитие новых транспортных артерий, реализуются такие международные проекты, как коридор «Север — Юг», в обозримом будущем станет возможной транспортировка углеводородов Каспийского бассейна напрямую в Персидский залив. Эти перспективы вызвали желание Пекина расширить свое влияние в регионе. Подобные устремления вызывают в Тегеране и Москве и интерес, и озабоченность. Именно поэтому Иран и Россия фокусируют свое внимание на процессах внутри континента Евразия, что связано с безопасностью и суверенитетом обеих стран. По этой же причине Иран предпринимает необходимые меры для развития дружественных прочных отношений с каждой из ключевых стран — членом ШОС, имеющих право вето в ООН. Таким образом, во внешнеполитическом плане Иран рассчитывает опосредованно получить больший вес на международной арене, чтобы усилить свой сдерживающий потенциал в отношении крупных западных игроков. В то же время Исламская Республика преследует собственные интересы и во внутривнутриполитическом плане — добивается экономического роста и промышленного развития.

Библиографический список

1. Bayanat dar didar-e mardom-e Azerbaijan-e sharghi / пер. с фарси: Выступление лидера на встрече с жителями Восточного Азербайджана // Официальный сайт великого лидера Исламской революции Ирана (18 февр. 2018 г.). URL: <https://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=38975>
2. Sanad-e cheshmandaz-e jomhuri-e eslami-e Iran dar ofogh-e 1404 / пер. с фарси:

Документ о перспективах 1404 г. ИРИ // Официальный сайт великого лидера Исламской революции Ирана (3 нояб. 2003 г.). URL: <https://farsi.khamenei.ir/message-content?id=9034>

3. Телеобращение по случаю праздника жертвоприношения Ид аль-Адха: Американский народ поставит на колени правящий режим // Официальный сайт великого лидера Исламской революции Ирана (31 июля 2020 г.). URL: <https://russian.khamenei.ir/news/4420>

4. Калибаф акцентирует прочность и преемственность стратегических отношений между Ираном и Россией // Русская служба Гостелерадио Ирана (9 февр. 2021 г.). URL: <https://parstoday.com/ru/news/russia-i124748>

5. Передача послания Путина для Верховного лидера Исламской революции // Русская служба Гостелерадио Ирана (7 марта 2021 г.). URL: <https://parstoday.com/ru/news/iran-i126398>

6. *Ходаренко М.* «Ясный сигнал»: Иран и Россия отрабатывают оборону в Индийском океане // Газета.Ru. 2021. 16 февр. URL: <https://www.gazeta.ru/army/2021/02/16/13480958.shtml>

7. Индия присоединилась к ирано-российским учениям // Русская служба Гостелерадио Ирана (17 февр. 2021 г.). URL: <https://parstoday.com/ru/news/iran-i125288>

8. *Hunter Shireen T.* Iran's Foreign Policy in the Post-Soviet Era. California and London: Praeger, 2010.

9. *Sariolkalam M.* Siasat-e khareji-e jomhour-e eslami-e Iran: bazbini-e nazari va para-daim-e e'telaaf / пер. с фарси: *Сариолкалам М.* Внешняя политика Исламской Республики Иран: теоретический обзор и парадигма коалиции. Тегеран: Центр стратегических исследований Совета по определению целесообразности, 2000.

10. *Akhavan Kazemi B., Arghavani F.* Naghsh-e hoviati-e dini dar hamgerai-e Iran va Asia-ye markazi. / пер. с фарси: *Ахаван Каземи Б., Аргавани Ф.* Роль религиозной идентичности в интеграции Ирана и Центральной Азии // Ежеквартальный политический журнал. Осень, 2011. № 3 (41). С. 1–21.

11. *Divsaalar M.* Rouykard-e negah be shargh dar ravaabet-e khareji-e Iran / пер. с фарси: *Дивсаалар М.* Взгляд на Восток в международных отношениях Ирана // Еженедельник Пегахе Хозе. 2008. № 237. Информационное агентство Фарс (27 окт. 2008 г.). URL: <http://fna.ir/diz>

12. *Karami J.* Iran va rusie: Mottahed-e sharghi ya tahdid-e jonoubi? / пер. с фарси: *Карамидж.* Иран и Россия: восточный союзник или южная угроза? // Международное ежеквартальное политическое исследование. Осень, 2010. № 3 (2). С. 171–199.

13. *Saghafi Ameri N., Ahadi A.* Iran va siasat-e negah be shargh / пер. с фарси: *Сагафи Амери Н., Ахади А.* Иран и политика ориентации на Восток. Тегеран: Центр стратегических исследований, 2008.

14. *Adami A.* Raahbord-e negah be shargh dar siasat-e khareji-e jomhour-e eslami-e Iran: didgaha, zamineha va forsatha / пер. с фарси: *Адами А.* Стратегия взгляда на Восток во внешней политике Исламской Республики Иран: мнения, предпосылки и возможности // Ежеквартальный журнал политических исследований. Весна, 2010. № 7 (2). С. 97–126.

15. *Khayyamdar M.* Az shoar-e «na sharghi na gharbi» ta siasat-e «negah be shargh» / пер. с фарси: *Хайямдар М.* От лозунга «Ни Восток, ни Запад» к политике «Ориента-

ция на Восток» // BBC News персидская служба (2 июля 2020 г.). URL: <https://www.bbc.com/persian/iran-features-53271139>

16. *Karami J.* Siasat-e ourasiai-e Iran, enghelab-e eslami va siasat-e khareji / пер. с фарси: *Карамидж.* Евразийская политика Ирана, Исламская революция и внешняя политика // Ежеквартальный журнал внешней политики. 2018. № 4 (32). С. 159–200.

17. *Sanaei M., Karami J.* Ravand-e chandjanebegaraai-e beinolmelali va raahbord-e sharghi-e Iran / пер. с фарси: *Санаи М., Карамидж.* Курс на многовекторность в международных отношениях и взгляд Ирана на Восток // Ежеквартальный журнал внешней политики. Лето, 2019. № 2 (33). С. 25–56.

18. *Azizi H.* Ravaabet-e mantaghei-e fedrasioun-e rusie: avaamel-e tasirgozar va moteghaierha-ye dakhil / пер. с фарси: *Азизи Х.* Региональные отношения Российской Федерации: определяющие факторы и переменные // Ежеквартальный журнал Центральной Азии и Кавказа. 2012. № 76. С. 95–124.

19. *Замятин В.* Обсуждается концепция внешней политики. Андрей Козырев: Россия должна стать нормальной великой державой // Коммерсантъ: газета. 1992. 28 нояб., № 47. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/31532>

20. *Tsygankov A.P.* Vladimir Putin's Vision of Russia as a Normal Great Power // Post-Soviet Affairs. 2005. April, № 21(2). P. 132–158. URL: https://www.researchgate.net/publication/250171757_Vladimir_Putin's_Vision_of_Russia_as_a_Normal_Great_Power

21. *Radin A., Clint C.* Russian Views of the International Order. Santa Monica, California: RAND Corporation, 2017.

22. Обращение к гражданам страны при вступлении в должность Президента России // Официальный сайт Президента России (7 мая 2004 г.). URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22452>

23. *Karami J.* Tahavvolat-e siasat-e khareji rusie: haviat-e dolat va masale-ye gharb / пер. с фарси: *Карамидж.* Перемены во внешней политике России: государственная идентичность и проблема Запада. Тегеран: Институт политических и международных исследований, 2005.

24. *Королев А.А.* Евразийство: от идей к современной практике // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 38–52.

25. Концепция внешней политики РФ // Официальный сайт МИД РФ (1 дек. 2016 г.). URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk-B6BZ29/content/id/2542248

26. *Караганов С.А.* Российская внешняя политика: новый этап? // Российская газета. 2016. 25 мая. URL: <https://rg.ru/2016/05/25/specialisty-predstavili-svoe-videnie-prioritetov-vneshnej-politiki-rf.html>

27. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия: информационный портал. 20113 окт. URL: <https://iz.ru/news/502761?page=2>

28. *Яшкова Т.А.* Евразийская интеграция как приоритетное направление российской внешней политики // Евразийский союз: вопросы международных отношений: научный журнал. 2014. № 1-2. С. 178–181.

29. *Nouri A.* Iran, Rusie va hamgarai-e ourasiai; manaafe-e mantaghegarai-e faal / пер. с фарси: *Нури А.* Иран, Россия и евразийская интеграция; интересы активного регионализма // Исследования Центральной Евразии. 2019. № 1 (12). С. 235–252.